

И. В. ГРИГОРЬЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАШИЗМА В РАБОТАХ АНТОНИО ГРАМШИ

Имя Антонио Грамши прежде всего вызывает в памяти образ негибаемого антифашиста. Открытая политическая борьба с фашизмом в качестве революционного публициста, а затем — руководителя Итальянской коммунистической партии до момента ареста (ноябрь 1926 г.); судебный процесс и брошенные в лицо представителям режима гордые, пророческие слова: «Фашизм приведет Италию к гибели — мы, коммунисты, ее спасем»; наконец, мучительные годы тюрьмы, которые обреченный на медленную смерть узник сумел наполнить интенсивнейшей теоретической деятельностью, создав «Тюремные тетради», — вот главное, чем примечателен жизненный путь Грамши. Среди марксистов он был также одним из первых исследователей проблемы возникновения и развития фашизма.

Настоящая статья является попыткой показать, как складывалось присущее Грамши понимание исторической сущности фашизма, лежащее в основе всех его выводов о стратегии и тактике антифашистского политического действия.

В литературе о Грамши этот вопрос до сих пор специально не рассматривался¹. Между тем он представляет большой интерес под углом зрения не только идейно-политической биографии выдающегося итальянского революционера-марксиста, но и становления марксистской историографии фашизма вообще. Италия — первая страна, где установилось господство фашизма, и в течение определенного времени она оставалась основной «моделью», на которой международное коммунистическое движение постигало суть этого ранее неизвестного явления. Но путь к тем истинам, которые сейчас зачастую кажутся нам очевидными, отнюдь не был легким, и история их поиска сама по себе заслуживает внимания и изучения.

* * *

В разгар послевоенного революционного кризиса в Италии Грамши обнаружил дар глубокого исторического предвидения, предугадав возможность еще невиданного по масштабам и формам наступления контрреволюции в случае, если итальянскому пролетариату не удастся немедленно сломить политическое господство буржуазии. В докладе, представленном в апреле 1920 г. от имени Туринской коммунистической группы Национальному совету Итальянской социалистической партии и отмеченном В. И. Лениным на II конгрессе Коминтерна как единственная в Италии платформа, соответствующая «всем основным принципам III Интернационала»², Грамши писал: «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным

¹ Существенные, но по необходимости краткие соображения по интересующей нас теме — см. в работах: Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии (1919—1929). М., 1968, стр. 260—261, 268—269, 360—369; Н. П. Коломova. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. М., 1972, стр. 14—18.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 199.

пролетариатом политической власти для перехода к новому способу производства и распределения, позволяющему возродить производственный аппарат, либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия, чтобы обречь промышленный и сельскохозяйственный пролетариат на рабский труд, будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическую партию) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства»³.

Таким образом, задолго до захвата фашизмом власти Грамши подметил признаки взрывающей в Италии качественно новой разновидности буржуазной реакции. Уже в этом он существенно расходился с той оценкой фашизма, которую предложил возглавивший ИКП в 1921 г. Амадео Бордига: «Муссолини стоит Джолитти».

Грамши решительно возражал против примитивного объяснения фашизма всегдашней реакционностью буржуазии. Он рассматривал фашизм как порождение капиталистической системы в исторически конкретных условиях, созданных мировой войной, которая до основания распатала и потрясла все здание буржуазного общества: «Фашизм есть социальное движение, это органическое выражение борьбы класса собственников против жизненных требований рабочего класса, — класса собственников, который хочет ценой голода и смерти для трудящихся восстановить экономическую систему, разрушенную империалистической войной»⁴. Вот почему фашистское движение, как подчеркивал Грамши, нельзя просто свести к организации со специфической программой или уподобить политической партии в традиционном смысле слова; фашизм есть «феномен антипролетарской борьбы капитализма», развивающийся по своим особым законам⁵.

Связывая возникновение фашизма с переживаемым страной глубочайшим социально-политическим кризисом, Грамши обращал внимание прежде всего на наиболее острые его проявления, в скрещении которых оказывалась пестрая, многолика, неустойчивая масса мелкой буржуазии. Это, во-первых, свойственная мелкобуржуазным слоям реакция на вызванные войной потрясения в хозяйственной жизни мира — уничтожение десятков миллионов трудоспособного населения, разрыв традиционных связей между национальными рынками, нарушение нормального хода миграционных потоков и т. д. Мелкая и средняя буржуазия не только в Италии, но и в других странах «считает возможным разрешить эти гигантские проблемы с помощью пулеметов и револьверных выстрелов; этот слой питает фашизм, дает кадры фашизму»⁶. Во-вторых, Грамши констатирует разложение парламентаризма, до войны служившего основным средством видимого приобщения мелкобуржуазных слоев к механизму правительственной власти, и связанный с этим «кризис принципа власти в подчиненных звеньях социального командования, которые составляют большую часть буржуазной структуры государства»⁷. В результате массовый переход мелкой буржуазии на сторону имущих классов против пролетариата⁸ осуществляется в значительной мере помимо официальных институтов буржуазно-парламентского государства.

Однако Грамши уже в это время разграничивал фашизм как массовое, преимущественно мелкобуржуазное по своему составу движение и те силы, которые стоят за ним, используя и направляя его в своих интересах: это — генеральный штаб, латифундисты, банкиры⁹. Со второй половины 1921 г. Грамши вводит в характеристику фашизма важный новый момент. Он начинает различать в фашизме две струи — городскую и сельскую, подчеркивая теперь не только общий антипролетарский характер фашистского движения, но и его специфическую связь с интересами капиталистов-агров, стремящихся путем белого террора сломить сильную классовую организацию батраков и беднейшей части крестьян. Это позволяет ему уловить и определенную эволюцию, ко-

³ A. Gramsci. L'Ordine Nuovo. 1919—1920. Torino, 1954, p. 117.

⁴ A. Gramsci. Socialismo e fascismo. Torino, 1966, p. 243 (июль 1921 г.).

⁵ Ibid., p. 276—277 (август 1921 г.).

⁶ Ibid., p. 101 (март 1921 г.).

⁷ Ibid., p. 146 (апрель 1921 г.).

⁸ Ibid., p. 11—12, 137 (январь, апрель 1921 г.).

⁹ Ibid., p. 187 (июнь 1921 г.); см. также ibid., p. 58 (январь 1921 г.).

торую уже претерпел фашизм в своих взаимоотношениях с имущими классами и официальной государственной властью ¹⁰.

Взгляд на фашизм как на внутренне противоречивый, неоднородный, находящийся в движении комплекс также отличает Грамши от Бордиги с его прямолинейным схематичным мышлением. В противоположность Бордиге, которому исторический процесс виделся всегда лишь в самых общих чертах, вне специфики места и времени, без переходных форм и «полутонов», Грамши стремится объяснить возникновение фашизма, исходя не только из общих тенденций развития классовой борьбы в послевоенном капиталистическом мире, но и с учетом исторических особенностей буржуазного общества и государства в Италии. В поисках специфически-национальных корней фашизма Грамши не ограничивается обращением лишь к периоду войны, где фашизм имел предшественника в лице интервентистского движения ¹¹. Он видит одну из предпосылок фашизма в отсутствии у определенных слоев населения настоящей гражданской зрелости, в сохранении ими «варварской и антиобщественной психологии», которая не подверглась сколько-нибудь существенной переделке за 60 лет, истекших после объединения Италии ¹². Это один из первых у Грамши намеков на историческую связь фашизма с незавершенностью буржуазного переустройства Италии в эпоху Рисорджименто.

Однако представления Грамши о фашизме в 1921—1922 гг. основаны (как и у Бордиги) на оценке переживаемого исторического периода как революционного. «Война, — пишет он, — открыла величайший кризис из всех, какие знает история; это не кризис того или иного правительства или государства, но кризис определенного режима, определенного мира — режима и мира хозяев». Для Италии речь идет о самом тяжелом социальном кризисе за период после национального объединения ¹³. Но этот кризис воспринимается Грамши как предсмертная судорога буржуазного общества, представляется ему имеющим лишь один возможный исход — близкую гибель капитализма как системы. Поэтому насущные проблемы момента могут, по мнению Грамши, найти только глобальное, а не частичное решение: средством спасти мир из пучины начавшегося в 1921 г. экономического кризиса, который «не имеет границ ни в пространстве, ни во времени» и является «не столько кризисом, сколько катастрофой» ¹⁴, а для Италии — непосредственной и единственной политической альтернативой фашизму он считает диктатуру пролетариата ¹⁵.

Считать (как это делают социалисты), что Италия вступила в полосу реакции, значит, с точки зрения Грамши, неминуемо становиться на позицию выжидания, т. е. следовать логике исторического фатализма, поскольку при этом предполагается, что «буржуазия останется господствующим классом еще на многие десятилетия», а потому «пролетариату не остается ничего иного, как ждать — спокойно, доверчиво, пассивно». Наоборот, тезис коммунистов, которые полагают, что «весь комплекс разворачивающихся на наших глазах событий есть самое очевидное и веское доказательство окончательного разложения буржуазного режима», представляется Грамши последовательным выражением позиции активного вмешательства в ход истории, тщательно отделяемой им от примитивно-волюнтаристской революционности ¹⁶.

Делая перед лицом фашистской угрозы выбор в пользу действия, а не выжидания, Грамши прав в общеполитическом плане. Но вывод этот покоится у него на неверном представлении о том, в какую сторону направлена основная тенденция развития происходящих событий. Говоря о возможности неожиданных поворотов, приливов и отливов, он имеет в виду лишь зигзаги внутри одного исторического периода, рассматриваемого в целом как революционный, а не совершающуюся в реальной действитель-

¹⁰ Ibid., p. 297—298 (август 1921 г.).

¹¹ *Интервентисты* (от *intervento* — вмешательство) — поборники вступления Италии в первую мировую войну на стороне Антанты, которые в целях давления на нейтралистское большинство парламента инспирировали в мае 1915 г. по всей стране бурные, сопровождавшиеся насилием шовинистические манифестации.

¹² Ibid., p. 150 (апрель 1921 г.).

¹³ Ibid., p. 160, 470 (май 1921 г., март 1922 г.).

¹⁴ Ibid., p. 216 (июнь 1921 г.).

¹⁵ Ibid., p. 151, 272 (апрель, август 1921 г.).

¹⁶ Ibid., p. 145 (апрель 1921 г.); см. также *ibid.*, p. 187 (июнь 1921 г.).

ности смену фазы революционного подъема фазой контрнаступления буржуазии¹⁷. Констатацию поворота к реакции он не может отделить от той ошибочной политической линии непротивления фашизму, которую выводили из этой верной посылки социалисты, и слишком прямолинейно и расширительно отождествляет ее с позицией исторического фатализма вообще.

Такие противоречия были свойственны не одному Грамши. Тактический поворот от наступления к обороне начал осуществляться Коминтерном уже в 1921 г. Но для суждения о том, является ли происходящий сдвиг лишь кратковременным зигзагом или сменой фаз, тогда еще не хватало дистанции во времени: начавшаяся после Октября новая историческая эпоха еще не успела вместить в себя другие этапы, в сравнении с которыми могла бы быть познана специфика послевоенного революционного периода и установлены его точные хронологические пределы. На этой общей основе оказывалась возможной и позиция Грамши, и позиция Бордиги, и расхождение между ними в понимании фашизма не могло в 1921—1922 гг. стать кардинальным.

Но в этом же направлении действовали и другие причины, связанные уже с индивидуальными особенностями формирования самого Грамши и со сложившимися у него в предшествующие годы взглядами на современную ему итальянскую действительность.

В юношеский период (1911—1918 гг.) Грамши придерживался мнения, что Италия является по преимуществу мелкобуржуазной страной, которая находится лишь в преддверии настоящего, зрелого капитализма, а ее политический режим далек от либерально-конституционных принципов, т. е. норм буржуазной демократии. Он решительно отрицал, в частности, либеральный характер предвоенной политики Джолитти, отражая в своей критике джолиттианства настроения, характерные для демократических меридионалистских кругов¹⁸. Позднее, в процессе освоения опыта Октября и ленинской теории империализма, Грамши начинает преодолевать свое первоначальное представление об исторической недоразвитости буржуазных отношений в Италии, но вытекавшая из такого представления оценка методов политического господства итальянской буржуазии сохраняется у него значительно дольше. Этому способствует как возвращение Джолитти к власти в 1920 г., так и то обстоятельство, что в условиях острого революционного кризиса Грамши рассматривает судьбы буржуазной демократии с точки зрения исторической дилеммы: власть буржуазии или власть пролетариата, в рамках которой кажутся уже несущественными различия, отделяющие парламентский строй от военной диктатуры. В таком историческом контексте традиционные пороки итальянской политической системы (отсутствие институтов, гарантирующих основные гражданские права и свободы, бессилие парламента, коррупция в аппарате власти и т. п.) приобретают в глазах Грамши новый смысл — симптомов необратимого и близкого к развязке процесса разложения буржуазного государства.

Но если этот процесс есть «нормальный феномен капиталистической системы»¹⁹, т. е. исторически закономерное явление; если Италия практически не знала таких завоеваний буржуазной демократии, которые реально содействуют гражданскому прогрессу; если итальянский парламентаризм всегда был крайне убогим и рахитичным, не следует ли отсюда, что Муссолини действительно, как утверждал Бордига, стоит Джолитти? Нам кажется бесспорным, что в тогдашних представлениях Грамши об итальянском буржуазном обществе и государстве было немало таких посылок, от которых он иным путем, посредством собственных умозаключений, шел в сущности к тому же выводу.

На этом уровне понимания фашизма было очень трудно пойти в определении задач антифашистской борьбы пролетариата дальше самого общего призыва к действию, к сопротивлению насилиям, к вооруженному отпору фашистским бандам. И тем не менее в произведениях Грамши 1921—1922 гг. уже можно найти как бы вехи, намечающие направление последующего развития его взглядов на фашизм и антифашизм.

¹⁷ Ibid., p. 232—233 (июль 1921 г.).

¹⁸ *Меридионалисты* (от Meridione — Юг) — поборники возрождения итальянского Юга, после национального объединения обреченного правящим буржуазно-помещичьим блоком на экономическую отсталость и деградацию.

¹⁹ A. Gramsci. L'Ordine Nuovo, p. 346 (июль 1920 г.).

Грамши никогда не довольствовался чисто негативными позициями и программами действий. Также и в данном случае он упорно ищет ответа на вопрос: что именно должен итальянский пролетариат защищать против фашизма?

Прежде всего — само право на существование своей классовой организации: это было ясно Грамши с самого начала. Однако опыт борьбы с фашизмом в Турине уже весной 1921 г. подсказывает ему, что в этой борьбе пролетариат выступает представителем не только своих собственных, но и более широких интересов: «В Турине рабочие защищают не только самих себя, свою личную безопасность, жизнь своих жен и детей — они защищают также и позицию общенационального значения, защищают последние остатки свободы, которые еще существуют в нашей несчастной стране»²⁰.

Грамши, таким образом, нащупывает вывод о том, что перед лицом фашизма на плечи пролетариата ложится задача защиты всего исторически непреходящего, что было завоевано под знаменем буржуазной демократии. Но не будем выпрямлять и упрощать движение его мысли. В тогдашнем сознании Грамши явно преобладает негативное отношение к самому понятию «демократия», представление о демократии как о чем-то противостоящем коммунизму и интересам пролетариата. Именно поэтому, говоря о наследуемых и защищаемых пролетариатом ценностях общедемократического порядка, он употребляет термины «свобода», «дух либерализма», но не «демократия».

Поскольку, однако, в такой форме роль этих ценностей все же осознается Грамши — в его статьях появляется другой момент: апелляция к свободолюбивым традициям итальянского Рисорджименто, преданным правящим классом²¹. Пролетариат должен воспринять их, ибо в современной исторической ситуации он выполняет «ту же освободительную функцию, которая в Рисорджименто принадлежала либералам»²².

И еще одно наблюдение Грамши, свидетельствующее об остроте его исторического зрения: под воздействием борьбы с фашизмом в итальянском рабочем движении возникает более конкретное представление о том, что такое революция. «То, что сначала казалось «русским», стало «итальянским», стало актуальным, стало непосредственным опытом мысли и сознания итальянского рабочего»²³. Подобный же путь практического освоения российского опыта коммунистами других стран в свете наглядных уроков их собственной истории предвидел на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин, указав в этой связи именно на вероятные последствия победы фашизма в Италии²⁴.

Распространяя свой вывод на итальянское рабочее движение в целом, Грамши, несомненно, опережает события, но весьма точно фиксирует путь развития своих собственных взглядов на революцию. Зорко подмечает он и первые, тогда еще редкие факты общенародного отпора фашизму, продемонстрировавшие способность коммунистов стать вожаками широких слоев населения; они позволяют Грамши представить себе и будущую коммунистическую революцию в Италии как «самое народное и самое глубокое движение, какое когда-либо наблюдалось в истории нашей страны»²⁵.

Приближаясь к пониманию исторической необходимости антифашистского единства в защиту общедемократической платформы, Грамши пока не в состоянии перевести эту «формулу» на конкретный политический язык. В его представлениях о стратегии революционной борьбы еще нет места промежуточным лозунгам и этапам. Поддерживая в принципе рекомендованную Коминтерном тактику единого фронта, Грамши долгое время не может переступить психологический барьер, мешающий ему признать социалистов (с которыми он ведет острейшую полемику, направленную на обоснование и

²⁰ A. Gramsci. *Socialismo e fascismo*, p. 153 (апрель 1921 г.); ср. также *ibid.*, p. 162—163 (май 1921 г.).

²¹ *Ibid.*, p. 391, 393, 413 (ноябрь 1921 г.).

²² *Ibid.*, p. 394.

²³ *Ibid.*, p. 385 (ноябрь 1921 г.).

²⁴ «Они должны воспринять часть русского опыта. Как это произойдет, этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни». — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 293. Грамши, присутствовавший на конгрессе, впоследствии вспоминал в «Тюремных тетрадях» об этом выступлении В. И. Ленина в связи с проблемой «взаимопереводимости языков», т. е. возможности разного (в том числе и национально-специфического) выражения одного и того же исторического содержания. — A. Gramsci. *Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce*. Torino, 1949, p. 63.

²⁵ A. Gramsci. *Socialismo e fascismo*, p. 250 (июль 1921 г.).

закрепление недавнего раскола в Ливорно) политическим союзником коммунистов против фашизма. Наоборот, весь идейный климат послеливорнского периода гораздо активнее действует в противоположном направлении, порождая у коммунистов — и у Грамши в том числе — отношение к социал-демократии как к злейшему врагу. Правда, и в этом случае позиция Грамши несколько отличается от господствовавших в партии бордигианских взглядов: в частности, весной 1922 г. он напоминает о совете В. И. Ленина итальянским максималистам оформить раскол с реформистами, а потом, если нужно, идти на блок с ними, видя в этом суть всей тактики Коминтерна по вопросу о расколах и едином фронте²⁶. Но последовательное развитие мысли Грамши в этом направлении начнется лишь тогда, когда он осознает как насущную необходимость жизни партии преодоление всего идеологического комплекса бордигианства.

Поворот к открытой борьбе с бордигианством определяется у Грамши к весне 1923 г. Положение в стране после установления фашистской диктатуры и оценка ближайших исторических перспектив неизменно оказывается при этом в центре предпринимаемых им поисков новой политической линии партии. Свои взгляды на фашизм он оттачивает и проверяет в непосредственном общении с виднейшими деятелями международного коммунистического движения²⁷.

От внимания Грамши не ускользают признаки исподволь назревающего в Италии кризиса фашистского режима. Летом 1924 г. после убийства фашистами социалистического депутата Джакомо Маттеотти этот кризис переходит в острую и открытую форму. Политический опыт, накопленный ИКП в период кризиса Маттеотти, позволяет ей сделать первый серьезный шаг к преодолению бордигианского сектантства, а самому Грамши (избранному в августе 1924 г. генеральным секретарем партии) значительно углубить свои представления о фашизме и путях борьбы с ним.

Фашизм, констатирует Грамши, «своими репрессивными методами правления крайне затруднил и даже почти полностью заглушил политические проявления общего кризиса капитализма, но он не означал ни приостановки этого кризиса, ни тем более возрождения и развития национальной экономики»²⁸. В характеристике фашизма Грамши и теперь подчеркивает два кардинальных момента: по своему основному содержанию это «вооруженная диктатура», действующая непосредственно в интересах «капиталистической плутократии и аграриев»²⁹, массовую же базу и ударную силу фашистской диктатуры составляет организованная по-военному мелкая буржуазия. «Отличительная черта фашизма состоит в том, что ему удалось построить массовую организацию мелкой буржуазии. Это произошло впервые в истории»³⁰.

Отношения с мелкой буржуазией как раз и являются, с точки зрения Грамши, наиболее уязвимым пунктом фашистской политической системы. Чтобы обеспечить итальянскому капитализму «хотя бы ограниченную жизнеспособность», фашизм не довольствовался одним лишь наступлением на рабочий класс: «Для этого потребовалось также снижение уровня жизни средних классов, ограбление мелкобуржуазных хозяйств, а следовательно, удушение всякой, а не только пролетарской свободы»³¹. Так подготовлялся тот массовый отход мелкой буржуазии от фашизма, который составляет главную суть разразившегося после убийства Маттеотти политического кризиса и ведет, согласно оценке Грамши, «к разложению самой основы фашистского господства»³².

Фашизм по-прежнему рассматривается Грамши не просто как орудие определенных классовых интересов, но как явление, обладающее собственной, до какой-то степени автономной логикой развития. Это — движение, которое, как полагала буржуазия, «должно было быть просто «инструментом» реакции в ее руках, но, будучи вызвано к жизни и развязано, оказалось хуже дьявола и уже не подчиняется контролю, а развивается дальше само по себе». Фашизму, захватившему власть, свойственна тенденция

²⁶ Ibid., p. 474; ср. также ibid., p. 481—482.

²⁷ Весной 1922 г. Грамши был направлен в Москву в качестве представителя ИКП в Коминтерне, а на IV конгрессе избран членом ИККИ. Он принимал участие в работе расширенного пленума ИККИ 12—23 июня 1923 г., где обсуждался специальный доклад Клары Цеткин о борьбе с фашизмом. В Москве Грамши оставался до конца 1923 г.

²⁸ A. Gramsci. Scritti politici. Roma, 1967, p. 576 (сентябрь 1924 г.).

²⁹ Ibid., p. 567 (июль 1924 г.).

³⁰ Ibid., p. 581 (сентябрь 1924 г.).

³¹ Ibid., p. 577.

³² Ibid., p. 565—566 (июль 1924 г.).

«уже не выступать как «инструмент» буржуазии, но действовать... под влиянием внутренне присущих ему мотивов, в которых в конечном счете перестают учитываться интересы сохранения существующего строя»³³.

Отражая свойственное Грамши понимание сложного, не механистического характера связи между надстройкой и базисом, эти мысли намечают новую и очень плодотворную в методологическом отношении линию исторического анализа фашизма. В политическом плане такой подход помогает Грамши выявить истоки оппозиции фашизму не только в мелкобуржуазных слоях, но также и внутри итальянского правящего класса.

Грамши решительнее, чем раньше, подчеркивает теперь антидемократическую сущность фашизма. Яснее стало для него и различие между собственно фашистской частью итальянской буржуазии и теми ее фракциями, которые «тяготеют к менее диктаторским системам правления»³⁴. Грамши настаивает поэтому на разграничении между фашизмом и «традиционными буржуазными силами», которые так и не подчинились ему³⁵.

В борьбе с фашизмом Грамши теперь видит исторически конкретную форму, в которой должна осуществиться гегемония пролетариата по отношению к трудящемуся большинству населения Италии. Пролетариату надлежит «использовать все трещины, которые обнаруживаются в возведенной противником стене, и не пренебрегать ни одним союзником, чтобы опрокинуть ее», но учитывать, что в реальной борьбе против фашизма заинтересованы лишь угнетенные классы, выносящие на себе всю тяжесть его господства. Отсюда вывод: «Единственный фронт против фашизма должен создаваться в среде угнетенных классов и осуществлять под руководством рабочего класса»³⁶.

Ведущая роль пролетариата в антифашистском движении исторически обусловлена, но реализуется, как подчеркивает Грамши, не автоматически, а в борьбе с оппозиционными фашизму фракциями буржуазии. На этом основана вся предложенная Грамши тактика ИКП по отношению к партиям Авентинского блока, которая исходит из факта их преобладающего влияния на массы в условиях начавшегося политического кризиса, но направлена к тому, чтобы «помешать этому положению вещей закрепиться навечно»³⁷.

Уроки кризиса Маттеотти в определенной степени прояснили представление Грамши о позитивном содержании антифашистской борьбы пролетариата. Характерным проявлением этого кризиса была «демократическая волна», захватившая широкие слои населения и вынесшая на авансцену партии Авентинского блока. Отношение Грамши к этому обстоятельству двойственно: как реалистически мыслящий политик он понимает, что изоляция от демократического потока была бы губительной для коммунистов, но в его формулировках еще чувствуется след предубеждений прошлых лет против самого понятия «демократия». И тем не менее он приближается к выводу о необходимости отнять у буржуазных антифашистских партий монополию на выражение демократических устремлений масс, ибо пролетариат «один лишь в состоянии наполнить вещественным содержанием демократический режим»³⁸.

На основе достигнутого Грамши более глубокого исторического осмысления фашизма существенно обогащаются и его представления о путях развития будущей пролетарской революции в Италии. Еще за несколько месяцев до кризиса Маттеотти он писал: «Я не сомневаюсь в том, что ситуация таит в себе активные революционные возможности, а следовательно, через определенный промежуток времени наша партия будет иметь за собой большинство; но если этот период, может быть, не будет длительным в хронологическом смысле, он наверняка будет богат дополнительными фазами, которые мы должны предвидеть с известной точностью»³⁹. Такому выводу предшествует критика позиции партии накануне захвата фашистами власти за слишком прямолинейный. не

³³ Ibid., p. 589—590 (ноябрь 1924 г.).

³⁴ Ibid., p. 566 (июль 1924 г.).

³⁵ P. Togliatti. La formazione del gruppo dirigente del partito comunista italiano. Roma, 1962, p. 223; См. также ibid., p. 199—200.

³⁶ A. Gramsci. Scritti politici, p. 570 (август 1924 г.).

³⁷ Ibid., p. 580 (сентябрь 1924 г.).

³⁸ Ibidem.

³⁹ P. Togliatti. La formazione..., p. 200.

учитывавший всех возможных вариантов прогноз развития событий. Немного позднее Грамши опять возвращается к тем же мыслям: «Мы должны представить себе все вероятные решения, могущие возникнуть из нынешней ситуации, и на случай каждого из них наметить определенные директивы... Можно ли предполагать, что от фашизма произойдет переход к диктатуре пролетариата? Какие промежуточные фазы при этом возможны и вероятны?»⁴⁰.

Имея в виду, что свержение фашизма еще не приведет непосредственно к установлению диктатуры пролетариата, Грамши отвергает истолкование таких промежуточных фаз революционного процесса как «буржуазной революции», в которой пролетариату предстоит выступить лишь в качестве «радикальной фракции конституционной оппозиции». Эпоху буржуазных революций как таковых — в старом, классическом смысле — он считает законченной для Италии и стран подобного ей типа и не согласен с тем, что буржуазная революция и теперь составляет здесь «необходимый и неизбежный этап процесса, ведущего к социализму». Промежуточные ступени, лежащие на пути от свержения фашизма к диктатуре пролетариата, рассматриваются им в историческом контексте «революционного социалистического периода»⁴¹, т. е. эпохи, основное содержание которой определяется не буржуазными, а пролетарскими революциями.

В разгар кризиса Маттеотти, когда свержение фашизма казалось близко достижимой целью, Грамши вновь предупреждает: «Фаза, которую мы сейчас переживаем, не есть фаза прямой борьбы за власть — это фаза подготовки, перехода к борьбе за власть, фаза агитации, пропаганды, организации»⁴².

Однако было бы слишком поспешным сделать отсюда вывод о том, что у Грамши к середине 20-х годов уже сложилось представление об особом историческом этапе в развитии итальянской революции, ставшем необходимостью в результате установления фашистской диктатуры. В написанных им тезисах, которые были приняты в качестве программного документа Лионским съездом партии (январь 1926 г.), говорится: «Капитализм является преобладающим укладом и господствующей силой в итальянском обществе, определяющей его развитие. Из этого следует, что в Италии невозможна никакая иная революция, кроме социалистической»⁴³. Защита демократии здесь рассматривается не как определяющая характеристика целой промежуточной фазы революционной борьбы, а в гораздо более узком тактическом плане. Само понятие промежуточной фазы в Лионских тезисах не употребляется, а выдвижение партией «промежуточных, компромиссных решений» общеполитических проблем мыслится лишь как средство облегчить ее деятельность и развернуть агитацию «в массах, еще примыкающих к контрреволюционным партиям и группировкам»⁴⁴.

Как объяснить этот видимый шаг назад от позиций, к которым Грамши уже подходил в 1924 г.? Отчасти его можно, вероятно, считать реакцией на происшедшее изменение политической обстановки. Тот факт, что фашизм к началу 1925 г. сумел выйти из кризиса и не только объединить вокруг своих лозунгов большинство итальянского правящего класса, но и сплотить его значительно прочнее, чем старый парламентский режим, известным образом располагал к более прямому отождествлению антифашистского действия пролетариата с фронтальной атакой против буржуазного строя. Следует учесть и то, что мысль Грамши в своем развитии, несомненно, обгоняла теоретический уровень партии в целом, только еще освобождавшейся от идейных пут бордигианства, и могла не найти полного и адекватного выражения в документе такого типа, как Лионские тезисы. Кроме того, программные тезисы партии были составлены в духе общих для всех компартий стратегических установок Коммунистического Интернационала, которые тогда исключали возможность каких-либо промежуточных ступеней на пути к социалистическим революциям в странах развитого капитализма. Наконец, — и это, пожалуй, главное, — движению грамшинской мысли при познании внутренней диалектики нового, ранее не известного исторического явления объективно были свойственны противоречия и зигзаги.

⁴⁰ Ibid., p. 245—246.

⁴¹ A. G r a m s c i. Scritti politici, p. 561 (апрель 1924 г.).

⁴² Ibid., p. 585 (сентябрь 1924 г.).

⁴³ «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 225.

⁴⁴ Там же, стр. 246, 248.

Если в Италии господствует капитализм, рассуждает Грамши, следовательно, здесь возможна только социалистическая революция. Относительная отсталость Италии в ряду других капиталистических стран не препятствие к этому ⁴⁵, и ликвидация феодальных пережитков будет не основной, а лишь побочной задачей итальянской революции. «С нашей точки зрения, содержанием исторической деятельности ныне живущих поколений является осуществление социализма. На трудном и тернистом пути к этой цели нам предстоит и хоронить мертвецов, и выметать вон старый хлам; мы должны сделать и сделаем это, потому что это необходимо, но в особенности нам предстоит похоронить одного мертвеца — капитализм, расчистить одну дорогу — к социализму; это, а не что-либо иное — наша специфическая задача; следуя по этому пути, мы решим и другие, второстепенные и более мелкие задачи» ⁴⁶.

Фашизм в общем и целом укладывается в эту схему. Определяя его как «феномен исторического регресса» ⁴⁷, Грамши имеет в виду обнаруженную им способность стать центром притяжения также и реакционных сил старого, докапиталистического склада. Вместе с тем он отвергает истолкование фашизма как явления, «связанного с начальной и еще отсталой фазой капитализма», подчеркивая, что фашизм — это порождение «периода наивысшего развития капиталистического общества» ⁴⁸. Тем самым остается в силе вся логика его умозаключений, согласно которым итальянская революция по своим объективным предпосылкам может носить лишь социалистический характер.

В свою очередь, доказанную опытом 1924 г. неизбежность промежуточной фазы на пути от свержения фашизма к диктатуре пролетариата (идея эта, не нашедшая отражения в Лионских тезисах, тем не менее отнюдь не исчезает вообще из поля зрения Грамши ⁴⁹) он объясняет в основном субъективной неподготовленностью масс. Отсюда характерная постановка вопроса: «Мы должны постараться сделать это демократическое интермеццо как можно более коротким, создавая уже сейчас максимум условий, действующих в нашу пользу» ⁵⁰.

Уже в какой-то мере понимая, что проблема демократии и связанных с ней традиций и представлений не может быть обойдена в процессе освободительной борьбы итальянского пролетариата, Грамши придерживается на этот счет еще чисто оборонительной позиции (защита демократии против фашизма, необходимость учитывать демократические иллюзии масс). Пойти дальше ему пока мешает старая, традиционная мерка, которой он определяет содержание исторических задач общедемократического характера, ограничивая их, с одной стороны, ликвидацией докапиталистических пережитков, а с другой — восстановлением отнятых фашизмом демократических завоеваний прошлого. Грамши еще не видит, что господство фашизма в Италии есть специфическая для данной страны оболочка такой ступени в развитии капитализма, которая сама по себе порождает новые общедемократические задачи, создавая для них объективную почву. Но это ясно нам сегодня — с учетом современного исторического опыта и нынешнего уровня разработки антимонополистической стратегии, а Грамши стоял у самых истоков этих новых проблем и для своего времени был среди марксистов одним из первых, кто начал хотя бы ощупью подходить к ним.

Мысль Грамши — при всей расплывчатости его представлений о будущем «демократическом интермеццо» — обнаруживает и в этом случае типичный для нее творческий характер, она не связана стремлением следовать лишь уже известным историческим образцам. Грамши отвергает, в частности, аналогию с развитием революции от Февраля к Октябрю в России, подсказывавшуюся антифашистами-республиканцами. «Мы, коммунисты, — подчеркивает он, — не хотим «играть» с историей; мы хотим действовать очень серьезно и не собираемся при этом осуществлять никакой заранее заданной схемы...» ⁵¹. Именно в этой связи Антонио Грамши определенным образом утверж-

⁴⁵ Там же, стр. 227.

⁴⁶ A. G r a m s c i. Scritti politici, p. 710—711 (октябрь 1926 г.).

⁴⁷ Ibid., p. 607 (май 1925 г.).

⁴⁸ Ibid., p. 697 (сентябрь 1926 г.).

⁴⁹ См., в частности, его доклад на заседании Руководящего комитета ИКП в августе 1926 г. — *ibid.*, p. 684.

⁵⁰ Ibid., p. 685.

⁵¹ Ibid., p. 709 (октябрь 1926 г.). «Что значат, — говорил за пять лет до этого В. И. Ленин, — все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? Мы требуем как раз противоположного... Революция в

дает, что оставшаяся в наследство от прошлого задача вымести «старый хлам» будет в Италии решена не в рамках особого буржуазно-демократического этапа революции, а попутно — в процессе социалистического переустройства. Что же касается социалистической революции, то в стране, пережившей господство фашизма, она приобретет лишь еще большую глубину и более широкий, общенародный характер: «Фашизм только задержал пролетарскую революцию, но не сделал ее невозможной; более того, он способствовал расширению и углублению основы пролетарской революции, которая после фашистского эксперимента будет поистине народной»⁵².

* * *

В ноябре 1926 г. Грамши был навсегда оторван от активной политической деятельности. Отныне все его усилия и помыслы сосредоточились на той гигантской теоретической работе, которую он развернул в тюремных стенах, найдя в ней неисчерпаемый источник моральной стойкости и способ остаться до конца своих дней участником освободительной борьбы пролетариата.

Те колоссальные трудности, с какими сталкивался мыслитель-узник, располагавший лишь ограниченным кругом материалов и знавший, что его записи подлежат контролю тюремной цензуры, казалось бы, начисто исключали возможность обращения в «Тюремных тетрадах» к теме фашизма. И все же Грамши в фашистской тюрьме продолжает исследование исторических корней, сущности и уроков фашизма, намного расширяя рамки своего анализа по сравнению с предшествующим периодом.

Одной из важнейших в интересующем нас плане тематических линий «Тюремных тетрадей» является предпринятое Грамши углубленное изучение исторических особенностей дофашистского буржуазного государства в Италии, позволяющих понять причины его последующего краха. Грамши отирается при этом от эпохи Рисорджименто, отмечая, что итальянское буржуазное государство с самого своего рождения несло печать ущербности, поскольку было создано практически без участия народных масс. Историческая вина за это лежит на буржуазии, не решившей поддержать борьбу за национальное объединение развертыванием антифеодальной аграрной революции. Между тем создать «нечто прочное в истории» могут лишь «самые широкие и многочисленные национально-народные силы»⁵³.

Возникшее на узкой социальной базе, чуждое и враждебное массам населения, итальянское буржуазное государство не обладало гибкостью и прочностью такой политической системы, которая опирается не только на принуждение, но и на «согласие» управляемых. Поэтому повсеместно отмечаемый после мировой войны кризис аппарата гегемонии, т. е. традиционных средств духовно-нравственного воздействия буржуазии на массы, оказался в Италии особенно глубоким. Но разложение этого аппарата не было, как подчеркивает Грамши, вызвано формированием «сильной коллективной политической воли» класса, являющегося антагонистом господствующему: «Антагонистические силы оказались неспособными обернуть себе на пользу это реально существовавшее состояние замешательства и смятения»⁵⁴.

Бреши, образовавшуюся в хрупкой и несовершенной системе гегемонии итальянского господствующего класса, заполнил собой фашизм, открыто ломавший буржуазную законность. Доживая свои дни, либеральное государство заняло позицию прямой поддержки фашизма. «Фашизм являлся в этот период его главной опорой; между госу-

Италии будет протекать иначе, чем в России. Она начнется иным образом. Каким именно? Ни вы, ни мы не знаем этого». «Мы никогда не хотели, чтобы Серрати в Италии подражал русской революции. Это было бы глупо. У нас достаточно ума и гибкости, чтобы избежать этой глупости». — В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 18, 19, 21. Против подобного же механического копирования «схемы» русской революции предупреждает в данном случае и Грамши. В то же время он постоянно — и по разным поводам — возвращался к мысли об интернациональной значимости опыта Октября, подчеркивая универсальный характер тех основных закономерностей пролетарской революции, которые нашли в России свое первое исторически конкретное выражение.

⁵² A. G r a m s c i. Scritti politici, p. 578—579 (сентябрь 1924 г.).

⁵³ A. G r a m s c i. Il Risorgimento. Torino, 1949, p. 165; Ср. также *ibid.*, p. 94—95, 197.

⁵⁴ A. G r a m s c i. Passato e presente. Torino, 1951, p. 83.

дарством и фашизмом не могло быть «гражданской войны» — могли иметь место лишь спорадические насильственные действия с целью изменить руководство государством и реформировать его административный аппарат... Фашизм был на одной линии с государством, а не против него»⁵⁵.

В центре грамшианского исследования ближайших и более отдаленных причин краха либерального государства в Италии неизменно оказывается, таким образом, проблема взаимоотношений буржуазии и народных масс. Выявившаяся начиная с эпохи Рисорджименто неспособность итальянской буржуазии к политическому руководству массами, т. е. к исторической функции класса-гегемона, — вот в самом общем виде тот ответ на вопрос о национально-исторических корнях фашизма, к которому приходит Грамши в «Тюремных тетрадах».

«Тюремные тетради» создавались в период, когда в капиталистическом мире поднялась новая волна фашистской реакции, достигшая своего апогея с утверждением нацизма у власти в Германии. Грамши в тюрьме располагал определенной информацией, позволившей ему учитывать в разработке проблем фашизма теперь уже не только итальянский, но и интернациональный исторический опыт.

Внимание Грамши привлек прежде всего германский фашизм, особенно применяемые им методы идеологического воздействия: использование в качестве элемента политической программы мифа об «исторической миссии» немецкого народа⁵⁶, апелляция к идее превосходства германской расы⁵⁷, религиозная политика, которая вела к обострению отношений с католической церковью при одновременной невозможности для Ватикана подвергнуть гитлеровский режим «отлучению»⁵⁸. «Все гитлеровское движение в интеллектуальном отношении находится на низком и вульгарном уровне», — замечает Грамши⁵⁹, специально указывая в одном из самых поздних фрагментов «Тюремных тетрадей» на то, что гитлеризм обнажил в Германии таившийся «под внешней видимостью господства группы серьезных интеллигентов» громадный слой псевдокультуры, обеспечив ей распространение «в качестве концепции и научного метода тех, кто воплощает новую «официальность»»⁶⁰.

Установление фашистского режима в Германии заостряет интерес Грамши к проблеме вырождения традиционных политических партий буржуазии, которую он, по видимому, замыслил исследовать путем чрезвычайно поучительного сопоставления немецкого и французского материалов. Буржуазные партии III республики он рассматривает как типичный пример закостеневших, «мумифицировавшихся» организаций, которые, возникнув в определенных исторических условиях, не сумели затем приспособить свои идейно-политические установки к потребностям иных времен и стали своего рода анахронизмом⁶¹. В Германии же Грамши наблюдает как бы следующий этап этого процесса, показывающий, как в моменты острых кризисов такие партии лишаются всякой социальной опоры и «повисают в воздухе»⁶².

Грамши уже давно присматривался к деятельности организации, превратившейся в начале 30-х годов в одно из течений французского фашизма — «Action Française», причастной к планам националистско-монархического государственного переворота во Франции во время опасного политического кризиса 1926 г. Провал этих планов он считал важным подтверждением того, что политические движения «буланжистского типа» отнюдь не всегда и не во всех случаях могут беспрепятственно достигнуть власти⁶³.

Аналогия с буланжизмом — не просто эзоповский оборот. Она позволяет Грамши выделить в характеристике фашизма такие наиболее общие черты, которые, с одной стороны, сближают между собой различные «национальные» варианты фашизма, а с другой — роднят фашизм с определенными историческими явлениями в прошлом. Его

⁵⁵ Ibid., p. 84—85.

⁵⁶ A. Gramsci. Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo Stato moderno. Torino, 1949, p. 146.

⁵⁷ A. Gramsci. Passato e presente, p. 186.

⁵⁸ A. Gramsci. Note sul Machiavelli..., p. 268—269, 275.

⁵⁹ Ibid., p. 275.

⁶⁰ A. Gramsci. Gli intellettuali e l'organizzazione della cultura. Torino, 1949, p. 179.

⁶¹ A. Gramsci. Note sul Machiavelli..., p. 51—52.

⁶² Ibid., p. 51.

⁶³ Ibid., p. 36.

анализ фашизма обретает тем самым большую глубину, ибо исследуемый объект рассматривается как бы в двух плоскостях — и через «горизонтальный», и через «вертикальный» разрез истории. Но Грамши никогда не забывает при этом о неповторимой исторической специфике каждого отдельного случая.

За размышлениями Грамши неотступно стоит вопрос: каким образом фашизм смог — в Италии и в других странах — увлечь за собой значительные массы населения, чьи коренные интересы находятся в резком противоречии с его истинной природой и устремлениями? Грамши далек от примитивного объяснения этого факта заведомой ложью главарей, сумевших одурачить наивных и неискушенных рядовых участников фашистского («буланжистского») движения. Связь такого движения с интересами крупного капитала понимается им не как нечто изначально выступающее «с очевидностью житейской истины», а как сложный и претерпевающий определенную трансформацию механизм. Лишь такой подход обеспечивает, по мысли Грамши, как свободную от сектантской ограниченности политическую позицию пролетариата по отношению к слоям, составляющим массовую базу фашизма, так и подлинно глубокий исторический анализ этого сложного явления, позволяя выявить источники внутренней слабости фашистских движений и научиться эффективно противостоять им. Речь идет в сущности о том, чтобы рассматривать фашизм и пути борьбы с ним сквозь призму понятия гегемонии. В центр внимания должен быть поставлен «анализ соотношения сил на различных ступенях», который «может быть доведен до конца лишь в сфере гегемонии и этико-политических отношений»⁶⁴. По сравнению с предшествующим периодом теоретической деятельности Грамши анализ в «Тюремных тетрадах» роли мелкой буржуазии как массового компонента фашизма значительно углубляется в социально-психологическом плане.

В поле зрения Грамши — целый комплекс мотивов, объясняющих влечение мелкобуржуазных слоев к фашизму (общая неустойчивость их политических и идеологических симпатий, пригодность к организации по преимуществу военного характера, склонность к мятежным порывам, ложной героике и фразерству)⁶⁵. На этой основе фашизм утверждает себя как массовая партия, но такая, в которой массы не имеют иной политической функции, кроме общего долга понимаемой на военный лад верности видимому или невидимому политическому центру⁶⁶.

Как бы подытоживая свои размышления о том, каким образом возникают такие ситуации, когда реакции удается использовать в своих интересах настроения масс, Грамши говорит об «очень серьезных и тяжелых последствиях» пренебрежительного отношения передовых общественных сил к «так называемым «стихийным» движениям». «Почти всегда, — указывает он, — бывает так, что «стихийному» движению подчиненных классов сопутствует реакционное движение правых кругов господствующего класса, использующее те же мотивы. Например, экономический кризис порождает недовольство подчиненных классов и стихийные массовые движения, с одной стороны, а с другой — заговоры реакционных групп, которые используют объективно существующее ослабление позиций правительства для попыток государственного переворота»⁶⁷. В подобных условиях отказ от политического руководства массами со стороны «тех групп, на которых лежит ответственность за это», открывает дорогу реакции — тогда как понимание и осуществление ими своей функции гегемона могло бы обеспечить «приход к власти самого прогрессивного из подчиненных классов». Попыткам использовать стихийно проявляющееся недовольство масс как таран, пролагающий путь к власти фашизму, можно противодействовать и помешать — вот вывод, к которому приходит Грамши. Но он трезво отдаст себе отчет, что в современном ему мире пока «чаще встречаются примеры регрессивного исхода»⁶⁸.

Пути и средства борьбы с фашизмом — это, разумеется, самый запретный для узника аспект темы, вся разработка которой в условиях фашистской тюрьмы была пастоящим подвигом. В «Тюремных тетрадах» мы не найдем высказываний, которые прямо (не по форме, а по существу) продолжали бы нить предшествующих размышлений Грамши о промежуточной, демократической фазе будущей итальянской революции.

⁶⁴ Ibid., p. 35—36.

⁶⁵ См. в особенности ibid., p. 53; A. Gramsci. *Passato e presente*, p. 15.

⁶⁶ A. Gramsci. *Note sul Machiavelli...*, p. 22.

⁶⁷ A. Gramsci. *Passato e presente*, p. 58.

⁶⁸ Ibidem.

Но свидетельства лиц, встречавшихся и беседовавших с Грамши в тюрьме, позволяют заключить, что этот весьма существенный элемент его взглядов в тюремный период не только сохранился, но и получил дальнейшее развитие.

Одно из таких свидетельств, впервые опубликованное в 1938 г., принадлежит Джузеппе Череза: Грамши «возмущался поверхностными суждениями некоторых товарищей, которые в 1930 г. утверждали, что фашизм находится накануне падения... и считали, что от фашистской диктатуры осуществится переход непосредственно к диктатуре пролетариата». Грамши критиковал эти механистические, абстрактные, антимарксистские позиции, основанные в значительной мере на представлении о «нищете» как решающем факторе, под воздействием которого массовые движения выльются в пролетарскую революцию и установление диктатуры пролетариата... Он говорил: «Нищета и голод могут вызвать волнения, бунты, которые приведут к нарушению существующего равновесия, но нужны еще многие другие условия, чтобы разрушить капиталистическую систему»⁶⁹.

Достоверность этого сообщения подтверждается тем, что последняя его часть может быть подкреплена прямыми параллелями из «Тюремных тетрадей». Помимо уже приведенного суждения Грамши о роли стихийных массовых движений, здесь можно сослаться на фрагмент, где ставится как раз вопрос о том, «являются ли фундаментальные исторические кризисы (революции.— И. Г.) непосредственным результатом кризисов экономических», на который Грамши дает ответ, вполне согласующийся с тем, как передает его мысль Череза⁷⁰.

Череза вспоминает далее, что вышеприведенное мнение Грамши основывалось на детальнейшем анализе политической ситуации в стране с учетом особенностей отдельных областей и районов, «с характеристикой различных экономических структур, социального состава населения, соотношения сил между основными классами — пролетариатом и буржуазией, роли средних слоев» и т. д. Беседы Грамши с товарищами на эти темы продолжались 10 дней. Грамши разъяснял им необходимость работы внутри созданных фашистами массовых организаций, предвидел, что в случае оживления массового движения активизируется и буржуазно-демократическая антифашистская оппозиция, которая попытается использовать его в собственных целях. Не претендуя на дословное воспроизведение мыслей Грамши, Череза резюмирует его основные выводы так: «Фашизм... отбросил пролетариат и весь итальянский народ назад; следовательно, классовая борьба будет направляться на отвоевание свобод, уничтоженных фашизмом. Разумеется, этот процесс будет иметь свои особенности, различные фазы, в его развитии будут остановки, но в ходе его пролетариат сможет — хотя бы и не сразу — достигнуть тех позиций, которыми он обладал до фашизма, и пойти дальше. Падение фашизма может произойти лишь при условии, если мы сумеем вызвать и возглавить широчайшее, охватывающее всю страну движение революционного характера. Партия должна будет найти лозунг, способный мобилизовать на участие в этом движении все антифашистские силы»⁷¹.

Сказанное Черезой и в этой части заслуживает доверия. Его сообщение о том, что Грамши обращал внимание коммунистов на первостепенную важность работы внутри массовых фашистских организаций, подтверждается свидетельством Тольятти об аналогичном совете, переданном Грамши руководству партии в 1929 г.⁷² Общий же смысл обрисованной Черезой позиции Грамши логически согласуется с теми выводами, которые Грамши извлек еще из опыта кризиса Маттеотти.

О дальнейшем сближении идей, вызревающих у Грамши в тюремный период, с сегодняшним пониманием стратегии антимонаполистической борьбы свидетельствуют его наблюдения по поводу новых явлений в социально-экономической жизни Италии начала 30-х годов. Серия государственно-монополистических мероприятий итальянского фашизма в годы мирового экономического кризиса и создание системы корпораций многим казались тогда чем-то чисто конъюнктурным и демагогическим.

⁶⁹ G. C e r e s a. In carcere con Gramsci.— «Gramsci». Scritti di P. Togliatti, G. Amoretti e.a. Roma, 1948, p. 116.

⁷⁰ A. G r a m s c i. Note sul Machiavelli..., p. 48.

⁷¹ G. C e r e s a. Op. cit., p. 117—119.

⁷² P. T o g l i a t t i. Gramsci, capo della classe operaia italiana.— «Gramsci», p. 57—58.

Грамини одним из первых взглянул на этот вопрос под иным углом зрения. В экономической политике фашизма он увидел попытку усилить посредством государственного вмешательства «обобществление и кооперацию производства, не затрагивая при этом (а лишь регулируя и контролируя) индивидуальное или групповое присвоение прибыли» ⁷³.

Отмечая, что и раньше в Италии государство играло немалую роль в экономической жизни, и связывая явное усиление этой роли с кризисом 1929—1933 гг., Грамини предвидит дальнейшее развитие тенденции к государственному вмешательству в экономику ⁷⁴. Ему ясна таким образом подоплека характерной для идеологов корпоративизма апологии «государства вообще, понимаемого как нечто абсолютное» и противопоставляемого «традиционным формам капитализма», как ясно и то, что происходящие изменения не затрагивают классовой природы существующего в Италии государства. Это государство не только тесно связано с крупным финансовым капиталом, но «само становится наиболее крупным плутократическим организмом, держателем большой массы сбережений мелких капиталистов» ⁷⁵.

Каковы могут быть последствия осуществляемой таким путем рационализации, структурной перестройки итальянской экономики? Грамини размышляет об этом, уже отдавая себе ясный отчет в том, что под специфическим покровом фашизма в Италии развивается общий для всех капиталистических стран процесс внедрения новейших, «американских» форм капитализма. И едва ли не главный вопрос, волнующий его в данной связи, состоит в том, «может ли американизм составить особую историческую «эпоху», другими словами, может ли он вызвать к жизни постепенное развитие типа... «пассивных революций», свойственных прошлому веку, или же представляет собой лишь процесс медленного накопления элементов, подготовляющих «взрыв», т. е. переворот французского типа» ⁷⁶. Иначе говоря, изменится ли в условиях «американизированного» капитализма сам характер развития революционного процесса?

Грамини не отрицает, что «в некоторых отношениях уже осуществленные юридические преобразования создали формальные условия, при которых может в широких масштабах развернуться технико-экономический переворот, поскольку рабочие не могут ни противиться ему, ни вести борьбу за то, чтобы самим стать его знаменосцами». Он не исключает начисто, что в будущем корпоративный курс мог бы положить начало постепенному переходу от архаичного и отсталого к развитому государственно-монополистическому капитализму. Но куда более вероятной ему представляется иная, революционная перспектива: «Во всяком случае этот процесс был бы настолько долгим и столкнулся бы с такими трудностями, что тем временем смогут заявить о своих интересах новые силы, которые окажутся в состоянии вновь осуществить упорное противодействие его развитию и в конце концов оборвать его» ⁷⁷.

* * *

Итак, вклад Грамини в теоретическое марксистско-ленинское исследование сущности фашизма очень весом и значителен. Глубокий историзм в подходе к этой животрепещущей политической проблеме и уровень обобщений, до которых поднимается в своем анализе фашизма Грамини, ставят его на видное место среди марксистов межвоенного периода, не говоря уже об антифашистах других направлений.

В первой половине 20-х годов фашизм — это явление, известное по преимуществу (хотя и не исключительно) в итальянской разновидности, а для Грамини — прежде всего непосредственный политический противник, с которым он ведет повседневную активную борьбу. Но уже тогда Грамини разглядел в итальянском фашизме проявление определенной международной тенденции периода общего кризиса капитализма

⁷³ A. Gramsci. Il materialismo storico..., p. 193.

⁷⁴ A. Gramsci. Note sul Machiavelli..., p. 341.

⁷⁵ Ibid., p. 342.

⁷⁶ Ibid., p. 312. Под «пассивной революцией» Грамини здесь понимает разрешение неотложных исторических задач в порядке «революции сверху».

⁷⁷ Ibid., p. 322, 323.

и верно нащупал те его специфические корни, которые уходили в глубь национальной истории. Уже тогда Грамши уловил необычность, новизну этого исторического феномена, обратил внимание на сложность его социальной характеристики и начал постигать те изменения, которые борьба с фашизмом вносит в стратегию революционного движения пролетариата.

В труднейших условиях тюремного заключения Грамши продолжает свое исследование фашизма — теперь уже в более широком плане, с учетом того интернационального исторического опыта, который в преддверии VII конгресса Коминтерна интенсивно осмысливался всем международным коммунистическим движением. VII конгресс Коминтерна ознаменовал важнейший поворот в стратегии и тактике антифашистской борьбы пролетариата. И в том, что этот новый рубеж был завоеван, есть также и заслуга Грамши, хотя решения конгресса, по-видимому, так и не стали известны ему, а партия и Коминтерн тогда не знали ни масштабов, ни содержания предпринятых им в тюрьме изысканий на тему о фашизме. Методологическим ключом анализа фашизма в «Тюремных тетрадях» становится проблема гегемонии, в свете которой Грамши раскрывает причины слабости либерального государства в Италии, пути формирования массовой базы фашизма, а главное — исторические уроки, вытекающие из поражений в боях с фашизмом для рабочего класса, призванного возглавить и довести до победы подлинно народную антифашистскую революцию.

Эти выводы Грамши позднее прочно войдут в сокровищницу политического опыта ИКП в ее борьбе за демократию и социализм.